

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Франсуаза Саган. Слезинки в красном вине • **Франсуаза Саган.**

Немного солнца в холодной воде • **Франсуаза Саган.**

Шелковые глаза • **Франсуаза Саган.** Любите ли вы Брамса? •

Франсуаза Саган. Смутная улыбка • **Франсуаза Саган.** Сара

Бернар. Несокрушимый смех • **Франсуаза Саган.** В туманном

зеркале • **Франсуаза Саган.** Сиреневое платье Валентины •

Франсуаза Саган. Не отрекаюсь... • **Франсуаза Саган.** Через

месяц, через год • **Антуан де Сент-Экзюпери.** Маленький принц

• **Рэй Брэдбери.** Летнее утро, летняя ночь • **Рэй Брэдбери.**

Лекарство от меланхолии • **Рэй Брэдбери.** Вино из одуванчиков

• **Рэй Брэдбери.** 451° по Фаренгейту • **Рэй Брэдбери.** Кошкина

пижама • **Рэй Брэдбери.** Марсианские хроники • **Рэй Брэдбери.**

У нас всегда будет Париж • **Гастон Леру.** Призрак Оперы • **Агата**

Кристи. Десять негритят • **Агата Кристи.** Убийство в «Восточном

экспрессе» • **Гийом Мюссо.** После... • **Гийом Мюссо.** Ты

будешь там? • **Гийом Мюссо.** Завтра • **Дж. Д. Сэлинджер.** Над

пропастью во ржи • **Дж. Д. Сэлинджер.** Девять рассказов •

Симона де Бовуар. Недоразумение в Москве • **Фрэнсис Скотт**

Фицджеральд. Великий Гэтсби • **Фрэнсис Скотт Фицджеральд.**

По эту сторону рая • **Валери Тонг Куонг.** Провидение •

Джо Дассен. Подарок для Дороти • **Татьяна Булатова, Мария**

Метлицкая, Маша Трауб. Тяжелый путь к сердцу через желудок

• **Мария Метлицкая.** И шарик вернется... • **Эдуард Асадов.**

Стихи о любви • **Маша Трауб.** О чем говорят младенцы •

Дэниел Киз. Цветы для Элджернона • **Марио Пьюзо.** Крестный

отец • **Чарльз Буковски.** О кошках • **Эдгар Аллан По.** Убийство

на улице Морг • **Иэн Макьюэн.** Амстердам • **Стефан Цвейг.**

Письмо незнакомки • **Ги де Мопассан.** Милый друг •

Ги де Мопассан. Жизнь • **О. Генри.** Дары волхвов • **Эмиль Золя.**

Дамское счастье

Г И Д Е
МОПАССАН

Жизнь

Москва
2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)44
М78

Guy De Maupassant
UNE VIE

Перевод с французского А. Чеботаревской

Оформление серии Е. Анисиной

Мопассан, Ги де.

М78 Жизнь / Ги де Мопассан ; [пер. с фр. А. Н. Чеботаревской]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Книга в сумочку).

ISBN 978-5-04-092427-1

Роман Мопассана написан в конце XIX века, однако судьба его героини похожа на судьбы многих современных женщин.

Жанна мечтала о счастье, и сразу после замужества ей, романтической, пылкой, мечтательной девушке, казалось, что она его обрела. Увы, эти иллюзии очень скоро оказались утрачены. Муж не собирался хранить ей верность, и лишь материнство остановило ее от решения разорвать брак.

Жанна смирилась с тем, что она несчастливая жена, но страстно мечтала быть счастливой матерью. Увы, и эти надежды очень скоро развеялись. Судьба не желала быть милостивой к героине. Но в финале автор, словно сжалившись, дарит Жанне шанс на счастье, ибо «жизнь, что вы ни говорите, не так хороша, но и не так плоха, как о ней думают».

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)44

© Чеботаревская А.,
перевод на русский язык, 2018
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092427-1

Госпоже Брэнн
дань уважения преданного друга
и в память о друге умершем.

Ги де Мопассан.
«Скромная истина»

I

Уложив чемоданы, Жанна подошла к окну; дождь не переставал.

Всю ночь стекла звенели и по крышам стучал ливень. Нависшее, отягченное водою небо словно прорвалось, изливаясь на землю, превращая ее в кашу, растворяя, как сахар. Порывы ветра дышали тяжким зно-ем. Рокот разлившихся ручьев наполнял пустынные улицы; дома, как губки, впитывали в себя сырость, проникавшую внутрь и проступавшую испариной на стенах, от подвалов до чердаков.

Выйдя накануне из монастыря и оставив его навсегда, Жанна жаждала наконец приобщиться ко всем радостям жизни, о которых так давно мечтала; она опасалась, что отец будет колебаться с отъездом, если погода не прояснится, и в сотый раз за это утро пытливо осматривала горизонт.

Затем она заметила, что забыла положить в дорожную сумку свой календарь. Она сняла со стены листок картона, разграфленный на месяцы, с золотой цифрой текущего 1819 года в виньетке. Она вычеркнула карандашом четыре первых столбца, заштри-

ховывая все имена святых вплоть до 2 мая — дня своего выхода из монастыря. Голос за дверью позвал:

— Жанетта!

Жанна ответила:

— Войди, папа.

И в комнату вошел ее отец.

Барон Симон-Жак Ле Пертюи де Во был дворянином прошлого столетия, чудаковатым и добрым. Восторженный последователь Жан-Жака Руссо, он питал нежность влюбленного к природе, лесам, полям и животным.

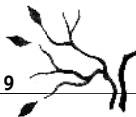
Аристократ по рождению, он инстинктивно ненавидел девяносто третий год; но, философ по темпераменту и либерал по воспитанию, он проклинал тиранию с безобидной и риторической ненавистью.

Его великой силой и великой слабостью была доброта, такая доброта, которой не хватало рук, чтобы ласкать, раздавать, обнимать, — доброта творца, беспорядочная и безудержная, подобная какому-то омертвлению волевого нерва, недостатку энергии, почти пороку.

Человек теории, он придумал целый план воспитания своей дочери, желая сделать ее счастливой, доброй, прямодушной и нежной.

До двенадцати лет она жила дома, а потом, не смотря на слезы матери, была отдана в монастырь Сакре-Кер.

Там отец держал ее в строгом заключении, запрети, в неизвестности и в полном неведении дел

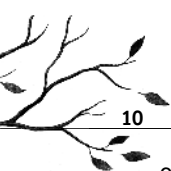

людских. Он желал, чтобы она возвратилась к нему семнадцатилетней целомудренной девушкой, и собирался затем сам погрузить ее в источник поэзии разумного, раскрыть ей душу и вывести из неведения путем созерцания наивной любви, простых ласк животных, ясных законов жизни.

Теперь она вышла из монастыря сияющая, полная сил и жажды счастья, готовая ко всем радостям, ко всем прелестным случайностям жизни, которые представлялись ее воображению в дни праздности, в долгие ночи.

Она походила на портрет Веронезе своими блестящими белокурыми волосами, как бы обесцвечившимися на ее коже, аристократической, чуть розоватой коже, оттененной легким пушком, который напоминал бледный бархат и был чуть заметен под ласкою солнца. Глаза Жанны были синие, той темной синевы, какою отличаются глаза голландских фаянсовых фигурок.

Около левой ноздри у нее была маленькая родинка; другая была справа на подбородке, где вилось несколько волосков, до того подходивших к цвету ее кожи, что их с трудом можно было различить. Она была высокого роста, с развитой грудью и гибкой талией. Ее чистый голос казался иногда чересчур резким, но искренний смех разливал кругом нее радость. Нередко привычным движением она подносила руки к вискам, как бы желая пригладить прическу.

Она подбежала к отцу, обняла его и поцеловала.

— Ну что же, едем? — спросила она.

Он улыбнулся, тряхнул довольно длинными уже седыми волосами и протянул руку к окошку.

— Неужели тебе хочется отправиться в путь в такую погоду?

Но она молила его ласково и нежно:

— Поедем, прошу тебя, папа. После полудня погода разгуляется.

— Но мама ни за что не согласится.

— Согласится, обещаю; я беру это на себя.

— Если тебе удастся ее уговорить, я не возражаю.

И она стремглав бросилась в комнату баронессы. Ведь этого дня отъезда она ждала со все возрастающим нетерпением.

С минуты поступления в Сакре-Кер она не покидала Руана, потому что отец не разрешал ей никаких развлечений раньше установленного им срока. Только два раза возили ее на две недели в Париж, но это был опять-таки город, а она мечтала лишь о деревне.

Теперь ей предстояло провести лето в их поместье «Тополя», в старом фамильном замке, стоявшем на скалистом побережье близ Ипора, и свободная жизнь на берегу моря сулила ей бесконечные радости. Кроме того, было решено подарить ей этот замок, чтобы она постоянно жила в нем, когда выйдет замуж.

Дождь, ливший непрерывно со вчерашнего вечера, был первым большим горем в ее жизни.

Но через три минуты она выбежала из комнаты матери, крича на весь дом:

— Папа, папа! Мама согласна; вели запрягать.

Ливень не прекращался; он даже, пожалуй, усилился, чуть только карета подъехала к крыльцу.

Жанна собиралась уже сесть в экипаж, когда с лестницы спустилась баронесса, поддерживаемая с одной стороны мужем, а с другой — рослою горничной, хорошо сложенной и сильной, как парень. Это была нормандка из Ко; на вид ей можно было дать по меньшей мере двадцать лет, а ей еще только что минуло восемнадцать. В семье барона с ней обращались почти как со второй дочерью, потому что она была молочной сестрой Жанны. Ее звали Розали.

Главная обязанность Розали состояла в уходе за ее госпожой, непомерно располневшей за последние годы из-за расширения сердца, на которое она постоянно жаловалась.

Баронесса, сильно задыхаясь, сошла на крыльцо старого особняка, взглянула на двор, по которому стремительно текла вода, и заметила:

— Право же, это неразумно.

Муж, по обыкновению улыбаясь, ответил:

— Но ведь вы так пожелали, мадам Аделаида.

Баронесса носила пышное имя Аделаида, и муж прибавлял к нему всегда «мадам» с оттенком чуть насмешливого уважения.

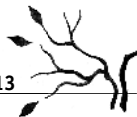
Она снова двинулась вперед и с трудом поднялась в экипаж, рессоры которого сразу осели. Барон поместился рядом с нею, а Жанна и Розали уселись на скамейке напротив.

Вслед за ворохом накидок — отъезжающие прикрыли ими себе колени — кухарка Людивина принесла две корзины и поставила их в ногах; затем она вскарабкалась на козлы рядом с дядей Симоном и укуталась большим пледом, совершенно ее закрывшим. Привратник с женою подошли проститься, захлопнули дверцу кареты и получили последние приказания по поводу багажа, который надлежало отправить следом на тележке; после этого тронулись в путь.

Кучер, дядя Симон, понутив голову и горбясь под дождем, совсем исчез в своей ливрее с тройным воротником. Порывы ветра со стоном бились в стекла и заливали дорогу потоками воды.

Карета, запряженная парой лошадей, быстро спустилась к набережной и поехала вдоль ряда больших судов, мачты, реи и снасти которых печально поднимались, словно оголенные деревья, в изливавшееся ручьями небо; затем она выехала на длинный бульвар горы Рибуде.

Вскоре дорога пошла лугами; время от времени сквозь водяной туман смутно вырисовывалась мокрая ива, ветви которой свисали с беспомощностью трупa. Чавкали подковы лошадей, а из-под колес летели брызги грязи.

Все молчали; самые мысли, казалось, пропитались сыростью, как и земля. Мать Жанны, откинувшись, прислонилась к стенке кареты и закрыла глаза. Барон хмуро рассматривал однообразные и залитые дождем поля. Розали, с узлом на коленях, дремала животной дремотой простолюдинов. Но Жанна чувствовала, что оживает под этой теплой струящейся влагой, словно комнатное растение, которое вынесли на воздух; полнота радости, подобно листве, защищала ее сердце от грусти. Она молчала, но ей хотелось петь, высунуть наружу руку и, набрав воды, напиться; она наслаждалась и тем, что лошади бегут крупной рысью, и тем, что она видит, как печальны окрестности, и тем, что чувствует себя защищенной от этого потопа.

Под яростным дождем от блестящих крупов лошадей поднимался пар, словно от кипящей воды.

Баронесса мало-помалу начала засыпать. Ее лицо, обрамленное шестью правильно расположенными и колыхавшимися локонами, понемногу опускалось, мягко опираясь на три большие волны ее шеи, последние складки которой терялись в безбрежном море груди. Голова ее приподнималась при каждом вздохе и тотчас же падала снова, щеки надувались, а из полуоткрытых губ вырывалось звонкое похрапывание. Муж наклонился к ней и тихонько вложил ей в руки, скрещенные на полном животе, маленький кожаный бумажник.

Это прикосновение разбудило ее; она взглянула на бумажник затуманенным взором, с оцепенением человека, сон которого внезапно прервали. Бумажник упал и раскрылся. Золото и банковые билеты рассыпались по полу кареты. Баронесса совсем проснулась, а веселое настроение дочери проявилось во взрыве хохота.

Барон подобрал деньги и положил их жене на колени:

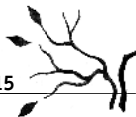
— Вот, мой друг, все, что осталось от моей фермы в Эльто. Я продал ее, чтобы восстановить «Тополя», где мы теперь будем жить подолгу.

Она сосчитала деньги — шесть тысяч четыреста франков — и спокойно положила их в карман.

Это была уже девятая проданная ферма из тридцати одной, оставленных им родителями. Однако они еще обладали приблизительно двадцатью тысячами годового дохода с земель, которые при хорошем управлении могли бы легко приносить в год и тридцать тысяч.

Они жили скромно, и этого дохода было бы достаточно, не будь в доме бездонной пропасти, вечно разверстой, — их доброты. Из-за нее деньги испарялись в их руках, как испаряется вода в болоте под палящими лучами солнца. Деньги текли, бежали, исчезали. Как это происходило? Никто не знал. Каждую минуту кто-нибудь из них говорил:

— Не знаю, как это вышло, но я истратил сегодня сто франков, а не сделал ни одной крупной покупки.

Легкость, с которой они раздавали деньги, была, впрочем, одной из величайших радостей их жизни, и тут они прекрасно и трогательно понимали друг друга.

Жанна спросила:

— А красив теперь мой замок?

Барон весело ответил:

— Увидишь, дочурка.

Мало-помалу ярость ливня стихала, и вскоре от него осталось лишь нечто вроде тумана — тончайшая сеющаяся дождевая пыль. Облачный свод как бы приподнялся, побелел, и вдруг сквозь какую-то невидимую щель длинный косой луч солнца упал на луга.

Тучи разошлись, показалась синяя глубина небосвода, потом просвет увеличился, как в разрывающейся завесе, и прекрасное лазурное небо, чистое и глубокое, развернулось над землей.

Пролетел свежий и легкий ветерок, словно счастливый вздох земли; когда проезжали мимо садов или лесов, слышалось порою веселое пение птицы, сушившей свои перья.

Вечерело. Теперь в карете все спали, кроме Жанны. Два раза останавливались на постоянных дворах, чтобы дать передохнуть лошадям, покормить их овсом и напоить.

Солнце село; вдали зазвонили колокола. В какой-то деревушке зажглись фонари; небо также засветилось бесчисленными звездами. То там, то здесь